

Настроение у Ли Наньчжу было замечательное. Обернувшись к Циньцзяо, он весело распорядился:

— Хочу кремовых пирожных в чашечках! И моему старшему племяннику тоже принеси.

Затем повернулся к Ли Муцзэ и добавил:

— Посоветую то, что люблю сам: есть со сливочно-морской солью, а есть свежие, с кокосовой мякотью. Не переживай, сахара там вполовину меньше обычного.

О таких пирожных Ли Муцзэ прежде не слышал, но рассудил, что речь идет о каких-нибудь особых сладостях из Чжаочжоу, и благосклонно согласился — отчего бы не потакать капризам дядюшки.

Циньцзяо принял распоряжение и отправился на кухню к мастеру Ли.

Выслушав слугу, шеф-повар Ли почесал затылок:

— Возни с ними, конечно, немало, но коли уж уездному князю забажалось — к полудню точно подам.

Едва юноша скрылся за дверью, кулинар тут же распорядился, чтобы обед для господина Ли доготовили здешние повара из поместья, а сам с головой ушел в приготовление заветных пирожных.

Здешний повар Чжао слыл в столице весьма искусным мастером, однако про какие-то «маленькие пирожные» слышал впервые. Ему стало любопытно: что за диковина такая, которой так упивается уездный князь?

Мастер Ли достал ключи от кладовой и протянул подмастерью:

— Сходи за кувшином клубничного варенья, кокосовой пудрой и забей ушат засахаренных личи. Да смотри у меня, не разбей!

— Не извольте беспокоиться, дядька Ли! Скорей сам кости переломаю, чем горшок с личи выроню!

Мастер Ли замахнулся для шуточного пинка:

— Языком мне тут еще поболтай! Живо бегом!

Паренек ловко увернулся, зажал ключи в кулаке и с хихиканьем удрал в кладовую.

Когда припасы были на столе, мастер Ли не стал ничего утаивать и сразу взялся за дело. Поймав на себе любопытный взгляд повара Чжао, он лишь улыбнулся.

Чжао смутился, подобострастно усмехнувшись:

— Прости уж, брат, любопытство одолело... — и поспешно уткнулся в свои кастрюли.

— Да полно тебе, — разводя муку и веля подмастерью отделять белки от желтков, отозвался Ли. — Рецепт-то не мой, сам уездный князь придумал. Предки мои тоже из столицы, да вот судьба занесла в Чжаочжоу, к Его Высочеству в обучение. А уж он у нас охоч до всяких новшеств...

За разговором мастер Ли без тайн раскладывал весь порядок приготовления. Едва бисквитное тесто отправилось в печь, повар Чжао окончил стряпать обед для господина Ли. Впитав кулинарные секреты, он проникся к приезжему мастеру откровенным уважением, и беседа потекла куда теплее.

Вскоре пирожные были готовы и отправлены на подносах в покои уездного князя.

Вытерев руки, мастер Ли присел отдохнуть. Подмастерье, недовольно сопя, пробурчал:

— И зачем вы, дядька Ли, секреты чужаку раскрыли? Эка щедрость! Чужие руки на готовое наложили...

— Глупый ты еще, — вздохнул Ли. — Наш князь терпеть не может кухонных интриг. Да и подумай сам: мы тут чужаки, а на кухне места — всего ничего. Они здесь годами сидят. Мне что теперь, каждый раз двери на замок запирать, когда готовлю?

Мастер Ли из Чжаочжоу понимал: рецепт простой, Чжао и так бы со временем догадался. А оказанное уважение создаст добрососедский лад на долгие месяцы.

— Вот уж воистину мудро, дядька! Учиться мне у вас еще и учиться, — польстил паренек, про себя отметив: пока уездный князь без ума от стряпни мастера Ли, никто их с этой кухни не попреет.

В главных покоях уже убрали грязную посуду. Заметив, что Ли Муцзэ собирается отбыть, Ли Наньчжу поспешно удержал его:

— Сладости вот-вот подадут! Ты ведь целая важная птица второго ранга, неужто нельзя немного сачкануть да отлынить от службы?

Слово «сачкануть» было Ли Муцзэ незнакомо, но смысл дядюшкиной речи он уловил и с улыбкой отозвался:

— В поднебесной царит мир, а народ благоденствует — отчего бы не позволить себе кратковременный отдых?

Ли Наньчжу аж лишился дара речи.

Поглядите-ка на него! Какая глупость — «отлынивать»! В представлении этого чиновника его праздность — лишь показатель мудрого правления государя и полного отсутствия бед в государстве! Вот уж воистину: век живи — век учись бюрократическому красноречию.

Впрочем, опомнившись, что он все-таки старший в роду и не гоже подавать молодежи дурной пример, Ли Наньчжу с глубокомысленным видом кивнул, всем видом показывая: «Молодец, но со мной так больше не шути», — после чего перевел разговор на семейные дела.

В обеих ветвях рода Ли детей водилось немного — а все потому, что мужчины их семьи почти не держали наложниц. Ни Ли Муцзэ, ни его отец исключениями не были.

У Ли Муцзэ росло двое сыновей и дочь. Законная дочь уже вышла замуж за главу Императорской академии — семейство почтенное и образованное. Старший сын числился в Министерстве общественных работ, а младшему, шестнадцатилетнему Саньлану, пророчили ученую стезю.

— Саньлан нынче осенью планирует пробовать силы на экзаменах, — деликатно рассказывал Муцзэ. — Был бы рад, кабы дядюшка задержался в столице до первого месяца: как раз сыграем сговоры да помолвку Саньлана.

В роду Ли старшинство детей считалось без разбора пола — единым списком.

Услышав это, Ли Наньчжу мысленно скривился: внуку шестнадцать, и он обручается, а дедушке — двадцать, и он ни в одном глазу!

— Что-то в столице с помолвками уж больно спешат, — не удержался он.

— После Нового года ему стукнет семнадцать, да пока свадебные приготовления завершатся — как раз к восемнадцати-девятнадцати и созреет.

Коли так, то вроде и впрямь не слишком рано. Ли Наньчжу почесал подбородок и невзначай

полюбопытствовал:

— Седьмому принцу уже двадцать, а он все не женат. Неужто ни Государь, ни Государыня не соизволят беспокоиться?

Своего отпрыска в двадцать лет без пары держат, а на бедного Нянняня уже петлю сватовства закидывают!

Ли Муцзэ, догадавшись, к чему клонит дядюшка, едва заметно улыбнулся.

Ли Наньчжу, хоть и понимал уязвимость своей позиции, буркнул с беззастенчивой прямоотой:

— Ты чего так ухмыляешься, племянничек? Совсем дедушку не уважаешь!

Ли Муцзэ поспешно сглотнул улыбку, отдавая дань уважения старшему, и только собрался дать пояснения, как слуги внесли угощение.

— В самый раз! — оживился Ли Наньчжу. — За сладостями и сплетни перемывать приятнее.

Он сгреб пирожное с клубничным джемом и подвинул поднос Муцзэ:

— Запивай чаем.

На белоснежном фарфоровом блюде выстроились шесть аккуратных кексов в бумажных розеточках — пышная бисквитная основа, увенчанная шапкой взбитых сливок и украшенная кусочками фруктов.

Циньцзяо ловко разлил ароматный чай по пиалам.

Ли Муцзэ осторожно взял изящную серебряную ложечку с гравировкой и отправил кусочек в рот. Нежная, сливочная текстура с кислинкой плодов приятно таяла на языке.

— И впрямь отменно, — похвалил он. — Лакомство как раз для юных дев и отроков.

— Кабы знал, велел бы еще испечь, — заговорил Ли Наньчжу, отправляя в рот ложку крема. — Пошлем коробку старшей тетушке, брату да внукам, пусть испробуют новинку. Не стесняйся, племянник!

Ли Муцзэ благодарно улыбнулся. Дядюшка обладал настолько открытым и душевным нравом, что становилось понятно, отчего в Чжаочжоу его берегли словно драгоценность.

— С тех пор как почил Наследный принц, Седьмой принц остался единственным законнорожденным сыном от императрицы, — вернулся к теме Муцзэ. — При дворе на него возлагают великие надежды. Однако Его Величество долго пребывал в скорби и не спешил провозглашать нового преемника. Потому и Императрица к выбору невестки подходит с величайшей осмотрительностью.

Ли Наньчжу приподнял бровь, проглотив порцию сливок.

«Прежде не спешили, полагая, что титул Наследника и так в кармане, — размышлял про себя Наньчжу. — А нынче задержались: вдруг Император вовсе не намеревается отдавать стул Седьмому? Вот и пытаются перетянуть на свою сторону влиятельные роды через брак».

— Впрочем, так дела обстояли до последнего времени, — продолжал Ли Муцзэ, с удовольствием доедая мягкую бисквитную основу. — На новогоднем пиру Императрица во всеуслышание хвалила законную дочь из своего собственного рода Су, даровала ей драгоценную шпильку... По столице тут же поползли слухи, дескать, Седьмой принц обрел суженую.

Ли Наньчжу от удивления чуть ложкой не подавился:

— Так это же его родная кузина!

— Именно так, — спокойным тоном подтвердил Муцзэ, не вполне понимая, чему дядюшка так поразился.

Ли Наньчжу лишился слов. Ну и порядки в этой столице! Творят что хотят, а он, вишь ты, из провинции — дикарем выглядит.

— Да так, к слову пришлось... — с набитым ртом пробормотал он, заталкивая в себя очередной кусок. — Просто вчера Государыня с таким рвением навязывала мне Седьмого принца! Мол, пусть составит тебе компанию, повеселит... На кой черт он мне сдался? А я-то еще грешным делом подумал, что мне показалось!

Ли Муцзэ, который на вчерашнем приеме присутствовать по статусу не мог, от этих слов заметно нахмурился. Лицо его сделалось суровым:

— Хоть Высочайшего указа о помолвке еще не было, в столице всем ведомо: девица из дома Су до сих пор не замужем лишь из-за ожидания этой свадьбы.

— Брачного договора нет? Ну и славно, — пожал плечами Ли Наньчжу. — По крайней мере, вовремя разглядели, что этот принц — мерзавец и кобель. Пусть ищет себе другого жениха.

Услышав подобные наивные речи, Ли Муцзэ лишь покачал головой, предпочтя не вдаваться в

подробности.

Однако Ли Наньчжу и сам был далеко не глуп. Немного пораскинув мозгами, он быстро раскусил всю схему: Императрица жаждет опереться на родню, выдав племянницу за сына; дом Су мечтает взрастить вторую Императрицу, дабы купаться в роскоши еще пару поколений. Сама же бедняжка Су в этом раскладе — лишь разменная монета, и мнения ее никто не спрашивает.

Словом, даже кабы клан Су узнал об исканиях Императрицы, перечить бы не дерзнул. Государыня наверняка посулила бы им золотые горы: мол, пушай дочка сперва побудет наложницей второго ранга, а как дело с престолом выгорит — так мы этого Ли Наньчжу изведем, сошлем в Холодный дворец без хлеба и воды! И побежит он под проливным дождем, растрепанный, с воплями: «Государыня-матушка, пощадите-е-е!»...

Стоп. Что-то его не в ту степь понесло.

Ли Наньчжу фыркнул. Чай, не первый день романы и сериалы смотрит, знает эти придворные штучки!

Время обеденного отдыха истекло, и Ли Муцзэ пора было возвращаться к службе. На прощание Ли Наньчжу вручил ему увесистый наказ и сундучок со сладостями:

— На, угости подчиненных. Ты ведь начальник — обязан заботиться о людях! Иногда и перерыв на чай не грех устроить.

Так высокопоставленный министр финансов, чиновник второго ранга Ли Муцзэ, покинул поместье князя Ли, держа в руках изящный короб, расписанный кошками да собаками.

Едва племянник скрылся за воротами, Ли Наньчжу повернулся к Чжу Лин:

— А где Синь Сы? — Впрочем, тут же спохватился, махнув рукой: — Ладно, сама знаешь, каков он. Увидишь — скажи, чтоб предстал передо мной.

Синь Сы, разумеется, носил родовую фамилию Ли.

В знатных домах издавна водились крепостные слуги. Род Ли скупалмышленных сирот, обучал их грамоте, боевым искусствам, врачеванию — словом, растил из них верных помощников. Убивать никого не учили: чай, предки Ли были честными чиновниками, а не разбойниками с большой дороги. Первоначально эти люди лишь охраняли поместье, но во времена императора Шэнпина, когда горели войны, некоторые из слуг проявили особый талант — сделались эдакими «теневыми стражами»: шныряли без шума, выводывали тайны да оберегали господ.

Синь Сы был старше Наньчжу всего на полгода; они выросли вместе и походили скорее на братьев. Ли Наньчжу терпеть не мог толпы челяди, ограничиваясь лишь Чжу Лин да Циньцзяо, а из стражников в Чжаочжоу везде таскал за собой только Синь Сы.

Лишь к вечеру теневой стражник появился в покоях хозяина.

Ли Наньчжу воззрился на Синь Сы, Синь Сы — на хозяина. Так они и стояли, молча переглядываясь.

— Чего уставился? — ворчливо завел Наньчжу. — Знаю, что хорош собой, но у нас с тобой ничего не выйдет! Не дай бог свалиться в сюжет про красивого князя и его преданного теневого стражника!

Синь Сы молчал, судорожно сжимая кулаки.

Когда хозяин в своих фантазиях дошел до подбора для него красивой женушки, холостяк, доселе радовавшийся свободе, не выдержал:

— Вы же сами велели Чжу Лин меня кликнуть!

—... И еще усадьбу отпишу в приданое... — Ли Наньчжу, увлеченно составлявший в уме список приданого для слуги, вдруг осекся.

Повисла пауза.

— Что ж ты сразу не сказал! — вспыхнул смущенный уездный князь и, торопливо меняя тему, прошипел: — Слушай сюда. Есть дело. Распусти по городу пару сплетен: во-первых, Седьмой принц до сих пор не женат, потому как мужским естеством слаб, чистый евнух; а во-вторых, Седьмой да Шестой принцы — оба те еще прохвосты, а хваленая великодушность Шестого — сущая фальшивка.

Синь Сы невозмутимо уточнил:

— Господин, так это же две сплетни.

— Вычеркиваю усадьбу из приданого! — надулся Наньчжу.

—... Одна, господин. Уже иду исполнять, — мгновенно поправился Синь Сы и, не задавая лишних вопросов, растворился в вечерних тенях.

«Кажется, усадьбу я отстоял...» — мельком подумал теневой стражник.

<http://bllate.org/book/19962/1990202>